

ЧАСТЬ V

Абстрактный труд: Великое Огораживание

14

Абстрактный труд огораживает как наши тела, так и наши умы.

Аргумент прост. Мы создаём капитализм: мы должны перестать его создавать и заняться чем-то другим. Это значит противопоставить деятельность абстрактному труду: это мы должны, можем и уже делаем.

Аргумент прост, и всё же он имеет свои сложности. Абстрактный труд плетёт сложный мир, и важно осознать сложность этого плетения, чтобы понять лежащее в его основе единство кажущейся несвязанной борьбы против мира в том виде, в котором он существует — и увидеть, что именно мы пытаемся распутать и заплести иначе. В этой части книги мы сосредоточимся на сложности плетения, прежде чем перейти к его распутыванию.

Труд заключает наши тела в тюрьму очевидным образом: он закрывает их на фабриках, в офисах или школах на большую часть нашего времени бодрствования или привязывает их к компьютерам или мобильным телефонам. Но менее очевидным образом абстракция, связанная с капиталистическим трудом, также создает столь же глубокую тюрьму, тюрьму, которая заключает в себе наши умы – то, как мы думаем, понятия, которые мы используем. В основе нашего существования лежит разрыв, отделение нас самих от определения того, что мы делаем, и этот разрыв влияет на каждый аспект нашей жизни.

Маркс назвал это ограждение фетишизмом и сделал его критику центральной темой «*Капитала*». Когда мы производим товар, мы производим нечто для продажи на рынке. То, что мы производим, и то, как мы это производим (например, наши торты), определяется рынком. Рынок — это отрицание самоопределения. Когда я продаю свой продукт на рынке и покупаю чужой продукт, я устанавливаю связь между двумя нашими различными творческими действиями, но я не устанавливаю эту связь напрямую. Это отношение устанавливается через вещи, как отношение между вещами: «отношения, связывающие труд одного индивида с трудом других, проявляются не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а как то, что они есть на самом деле: вещные отношения лиц и общественные отношения вещей» (Marx 1867/1965: 73; 1867/1990: 166). Скажем, когда я покупаю автомобиль, то мои отношения с людьми, которые его сделали — это отношения между моими деньгами и автомобилем, а не отношения любви и благодарности между теми, кто сделал автомобиль, и мной, кто способен наслаждаться плодом их тщательной деятельности. Мы начинаем думать обо всём мире с точки зрения вещей, а не с точки зрения отношений между людьми.

Это не ошибка и не просто иллюзия, когда я вижу свои отношения с рабочими, которые построили мою машину, с точки зрения вещей. Связь между моей деятельностью и их

деятельностью действительно существует в форме отношений между вещами. Социальные отношения действительно существуют в форме вещей. Автомобиль в данном случае представляет собой социальную связь между моей деятельностью и деятельностью работников автомобильной промышленности. Деньги, которые я плачу за машину, также являются социальным отношением между моей деятельностью и их деятельностью. Мы окружены вещами, которые, похоже, ограничивают нас. Даже точно ограничивают. Чтобы думать об изменении мира, нам нужно растворить саму *вещность* этих вещей, понять их как социальные отношения, понять их как формы существования нашей социальной субъективности, нашей деятельности. Это означает критику этих вещей как *форм* общественных отношений, подчинение их тому, что Маркс называл критикой, что возвращает всё к человеческой деятельности и её организации.

Существование отношений между человеческими деятелями как вещами (овеществление) означает, что окружающий нас мир приобретает фиксированность, постоянство. Общественные отношения приобретают жёсткость. В то время как мы осознаём в нашей повседневной жизни, что наши наиболее интенсивные отношения с друзьями и возлюбленными постоянно меняются — на более общем уровне они кажутся постоянными только если эти отношения конвертируются в вещи, если они овеществляются или фетишизируются. Они приобретают характер простого «они всегда тут были», и становится трудно даже представить себе общество без них. Деньги, или государство, или капитал, например: вместо того чтобы рассматриваться, как социальные отношения с другими людьми — которые мы создали (и которые мы создаём и воссоздаём каждый день и можем прекратить создавать) — деньги и государство кажутся неизбежными фактами жизни, и нам трудно даже представить себе жизнь без них. Или возьмём другой пример — труд. Он рассматривается как вечная, трансисторическая категория, неизбежный спутник нашего существования на этом свете, а не как исторически специфическая форма действия и отношения к другим^[1]. Эти, казалось бы, вечные вещи держат наши умы в плену, ограничивают то, что мы можем думать. Точно так же, как фабрика, или офис, или просто необходимость продавать продукты нашего труда лишают свободы наши тела и ограничивают то, что мы можем делать каждый день.

Овеществление (реификация) может рассматриваться как процесс идентификации, создания идентичностей. Абстракция деятельности в труд ограничивает то, что мы делаем. Мы делаем это, но наши действия направлены в строгие линии — линии, которые продлевают настоящее. Мы превращены из деятелей в существ. Мир вещей — это мир, что есть. Все аспекты жизни обретают «сущность», идентичность. Идентичность становится ключевой категорией для концептуализации мира, ключевой категорией буржуазной мысли. Идентичность — это ядро тюрьмы, которая крепко нас держит, ключевой компонент в сети ловушек, которую плетём мы сами.

Деятельность — это поток, поток жизни, в котором нет чётких разделительных линий, в которых деятельность одного человека переходит в деятельность другого и немислима без деятельности других. Ваше чтение этой книги (если вы действительно её читаете) было бы невозможно без деятельности писателя (меня), но она была бы невозможна без всего предшествующего чтения, предшествующего письма, без создания компьютеров, выработки

электричества, изготовления письменных столов, преподавания языков — и так далее. Абстракция труда превращает часть этой деятельности в отдельное действие, разрывает этот поток деятельности. Разрывая социальный поток деятельности, она также разбивает социального деятеля Мы на множество отдельных субъектов, множество идентичностей. Разрыв социальной кооперации на систему товарного обмена порождает индивидов, которые обмениваются этими товарами: для того чтобы обмен состоялся

... люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как к частным собственникам этих отчуждаемых вещей, а значит, и как к не зависимым друг от друга личностям. Однако такое отношение взаимной отчуждённости не существует между членами примитивного сообщества, основанного на собственности, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков и т.д. (Marx 1867/1965: 87; 1867/1990: 182)

Само понятие индивида есть продукт распространения товарного обмена и роста капиталистического общества. Но капитализм не просто производит индивида: он разрушает Мы-Деятеля и разрывает поток социальных дел. Текучая совокупность социальных действий превращается в существительное, Общество — с его определёнными формами социальной сплоченности. Таким образом, Общество состоит из множества фрагментированных лиц — которые являются, идентичностей, ограниченных и определённых в своей деятельности.

Идентичности порождают идентичностное мышление — форму мышления, начинающуюся с неоспоримого существования идентичности и идентичностей и строится на основе бытия, а не деятельности. Отталкиваться от идентичностей — значит создавать позитивную основу для мышления, тогда как понимание этих идентичностей как исторически специфических форм общественных отношений сразу же ставит мышление на негативную основу. Отталкиваться от идентичностей — значит отталкиваться от идеи, что мы, или *они* — женщины, рабочие, ирландцы, мексиканцы, геи, евреи, капиталисты, и строить мир с этой точки. С другой стороны, понять эти различные идентичности как формы социальных отношений — значит сказать, что мы сформированы как женщины, ирландцы, геи и так далее, и это сразу же заставляет нас заглянуть за эти идентичности и спросить, что же сделало нас женщинами, геями, рабочими, и тем самым показать неадекватность этих форм, возможность быть выше. Провозглашать идентичность без одновременного провозглашения её неадекватности, придавать себе идентичность, не говоря при этом о том, что мы существуем вне этой идентичности — значит укреплять стены капиталистической тюрьмы.

Идентитарная мысль приобретает особую прочность в структуралистской мысли, понимание мира в терминах структур, которые опираются на "носителей" этих структур, людей, понимаемых просто в терминах их ролей, людей, понимаемых как персонификации их социальных функций. Этот подход может быть привлекательным в том смысле, что он предлагает сложное изображение структур угнетения, но он не предлагает никакого выхода, поскольку субъект сводится к носителю капиталистических общественных отношений. Структурализм — это идеология Кассандры, левого интеллектуала, который оплакивает мир и его судьбу, но предполагает, что с этим ничего не поделаешь.

Идентификация или овеществление — чрезвычайно разрушительная сила в повседневной борьбе. Мы даём нашим протестам имя, ярлык, предел. Наша борьба — это борьба женщин, геев, рабочих, безработных, это борьба за права коренных народов, за незагрязнённую пищу, за мир. Может быть, мы хотя бы смутно осознаем, что наша борьба является частью более широкого целого, возможно, даже что она является продуктом того способа, которым в мире организована человеческая деятельность — но именно потому, что эта форма организации кажется постоянной («легче представить себе конец света, чем конец капитализма»), мы заключаем нашу борьбу в рамки, в рамки идентичности. Таким образом, мы имеем мир, полный протестов, мир людей, которые каким-то образом осознают, что есть нечто фундаментально неправильное в том, как устроено общество — и всё же так много стен разделяют эти сражения, так много дамб препятствуют их перетеканию друг в друга. И все эти стены — это идентичности, великая основная идентичность капитализма-который-есть-и-всегда-будет, и меньшие идентичности «мы, геи; мы, женщины; мы, коренные жители; мы, баски; мы, сапатисты; мы, анархисты; мы, коммунисты». И все эти идентичности так легко становятся основой для сектантства, вечного саморазрушения левых, которое облегчает жизнь полиции. Гораздо более эффективным, чем любая система тайной полиции, является воспроизводство капитала в рамках антикапиталистической борьбы^[2].

1. Постон прав, говоря о трансисторической категории труда как «фундаментальном ядре фетиша в капитализме» (Postone 1996: 170). [↗](#)
2. Об овеществлении и идентификации в целом см. обсуждение в Holloway (2002/2005). [↗](#)